

УДК 930.2

doi 10.17072/2219-3111-2023-1-102-112

Ссылка для цитирования: *Лавренченко М. Л.* «Ты наш князь»: соглашения между городом и князем в Киевской летописи // Вестник Пермского университета. История. 2023. № 1(60). С. 102–112.

«ТЫ НАШ КНЯЗЬ»: СОГЛАШЕНИЯ МЕЖДУ ГОРОДОМ И КНЯЗЕМ В КИЕВСКОЙ ЛЕТОПИСИ¹

М. Л. Лавренченко

Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова, 150003, Россия, Ярославль, ул. Советская, 14

Институт всеобщей истории Российской академии наук, 119334, Россия, Москва, Ленинский пр-т, 32а
lavrenchenko1@yandex.ru

marialavrenchenko@gmail.com

ORCID: 0000-0003-4851-2569

Фразеология отношений города и князя, зафиксированная в Киевской летописи, характеризуется целым рядом отличительных особенностей. Взаимодействие Рюриковичей и городских обществ имеет долгую историю изучения: анализировались этапы становления вечевых порядков, история т.н. интронизации, велась дискуссия о степени вовлеченности духовенства в этот процесс. При этом за фокусом внимания исследователей оставались отношения представителей династии и политически активных групп населения в рамках подготовки и проведения военных походов, союзнических отношений, триумфальной встречи предводителя войска после победы и целый ряд других эпизодов. Анализ описания таких ситуаций показывает, что летописец чаще уделял внимание неоднозначным с политической точки зрения ситуациям, когда на город претендуют несколько правителей и мнение горожан становится решающим. В этот момент они могли показать свою лояльность при помощи устойчивого выражения «ты наш князь», которое было комплементарно фразе «вы мои люди». Обе фразы встраивались в более сложные языковые структуры с указанием предшественников князя, заботившихся о нуждах города, упоминанием христианских символов – святынь города, а также прямого призыва к последующим действиям. Все это говорит о бытовании уже в XII в. традиций оформления подобного рода отношений, в том числе о существовании устойчивого формульного арсенала, использовавшегося при достижении договоренностей.

Ключевые слова: Древняя Русь, источниковедение, летописание, Киевская летопись, Ипатьевская летопись, диалоги, прямая речь, текстология, терминологический анализ.

Летописи средневековой Руси уделяют большое внимание политическим событиям, в описании которых раскрываются позиции жителей крупнейших городов, хотя информации о них не так много, как о взаимодействии Рюриковичей. В устоявшейся в XI – начале XIII в. системе правления, где действовало одновременно несколько принципов передачи власти [Гвозденко, Горский, 2017, с. 20–21], а князья нередко переходили с одного стола на другой, мнения горожан зачастую играли решающую роль. Особенно отчетливо их голоса были слышны в затяжных княжеских конфликтах, когда ни одна из сторон не имела существенного перевеса сил и ключевую роль могли сыграть те политические акторы, чья позиция давала даже незначительное преимущество одной из коалиций.

Взаимодействие активного политического населения средневековой Руси с представителями династии Рюриковичей привлекает интерес исследователей уже не одно столетие. Как правило, к летописным свидетельствам обращаются в рамках изучения становления государственности и формирования социальных институтов [Пресняков, 1993, с. 136–181; Пашуто, 1965, с. 11–51], развития вечевых порядков [Гранберг, 2006, с. 3–163; Лукин, 2014, 2022]. Рассмотрение текстологических особенностей летописного описания этого взаимодействия было сделано лишь недавно в работе Т. Л. Вилкул [Вилкул, 2009]. В последнее время в научной среде можно видеть новый всплеск интереса к кругу этих проблем благодаря появлению работ, посвященных вопросам т.н. интронизации² – обрядам, оформлявшим признание правителя горо-

жанами [Porre, 2007 (1986), с. 190а–191а; Толочко, 1992, с. 139–149; Андросчук, 2003; Гвозденко, 2009; Vukovich, 2013, 2015, 2018; Артамонов, 2021; Виноградов, 2021; Кежа, 2021].

Большая часть сведений о взаимодействии города и князя, которые представлены в Киевской летописи (КЛ)³, содержатся в ее уникальных пластах, отсутствующих в Суздальской летописи (СЛ)⁴ и характеризующихся подробностью повествования [Вилкул, 2009, с. 30–35, 56; Вилкул, 2019, с. 264–267]. Эти уникальные известия Киевской летописи по многим параметрам выглядят частями цельного повествования, что, на наш взгляд, позволяет предположить единство их общего источника, скомбинированного в конце XII в. с текстом, общим с СЛ⁵. Хотя его тематика преимущественно касается событий южной Руси, авторы в деталях раскрывают то, что происходило в Новгороде, Суздале, Полоцке и других городах. Одной из наиболее ярких особенностей этого текста является обилие «речей», которыми летописец называет послания и живые диалоги политических деятелей: князей, горожан, дружинников. Понятно, что такие «речи» не могли быть записаны непосредственно на месте событий, а содержат более или менее точный пересказ с сокращениями или, наоборот, дополнениями.

Если «речи» князей КЛ неоднократно рассматривались в отечественной науке [Франчук, 1986, с. 117–154; Дашкевич, 1991; Гимон, 2018; Guimon, 2021, с. 341–359], то словам горожан, попавшим в летопись, было незаслуженно уделено значительно меньше внимания. При этом описательные характеристики взаимодействия города и представителей династии пользуются постоянной популярностью у исследователей, интересующихся вечевыми порядками.

Как уже было сказано, один из ключевых вопросов, вызвавших немалые дискуссии в последние годы, касается княжеской интронизации, ее эволюции и степени вовлеченности в этот процесс духовенства. Хотя так или иначе им задавались многие ученые XIX–XX вв., современный виток научного спора начался с доклада Анджея Поппэ на XVII Международном конгрессе византистов в 1986 г., в котором он высказал ряд предположений о том, как была оформлена процедура вокняжения правителя в средневековой Руси [Porre, 2007 (1986), с. 190а–191а], всколыхнув интерес к этому вопросу. Среди российских ученых особую популярность получила работа К. С. Гвозденко, в которой исследовательница не только рассматривает все случаи, которые можно встретить в летописях домонгольского периода, но и чрезвычайно подробно разбирает каждое известие. В процедуре интронизации она выделяет несколько этапов: встречу князя народом (в некоторых случаях на ней присутствуют и представители духовенства), обед – пир, посещение князем кафедрального собора и посажение его на столе (без упоминания о специфических действиях церковного иерарха). В текстах, повествующих о вокняжении Игоря Ольговича в 1146 г., Ярополка Ростиславича в 1175 г. и Всеволода Юрьевича в 1177 г. упоминается о договоре правителя с городом, что исследовательница связывает с передачей власти в первом случае и конкуренцией в «условиях междоусобной войны» во втором и третьем [Гвозденко, 2009, с. 26–27]. Рассматривая известия XII в., она выделяет этапы эволюции обряда интронизации, в целом считая, что известия КЛ довольно точно отражают изменения, происходившие в действительности. Исходя из логики летописных сообщений К. С. Гвозденко фиксирует первое посещение правителем кафедрального собора при интронизации – это получение Изяславом Мстиславичем княжеского стола, описанное в статье 1146 г. КЛ [Там же, с. 26–27].

Выводы исследовательницы были поддержаны и дополнены А. Ю. Виноградовым [Виноградов, 2021], который отметил новации в обряде интронизации Изяслава Мстиславича, связанные с усилением церковного начала в церемонии. В ответ на них соперник князя Юрий Долгорукий, вероятно, ориентируясь на византийский образец, вводит в обряд благословение нового князя митрополитом. В целом, как пишет А. Ю. Виноградов, новации, введенные Изяславом Мстиславичем в 1146 г., были переняты и развиты Мстиславичами и другими Мономаховичами [Там же, с. 60–61].

Текстологические основания работы К. С. Гвозденко были подвергнуты критике Ю. А. Артамоновым [Артамонов, 2021], который справедливо отметил, что «молчание летописных текстов о посещении соискателем соборного храма не может служить основанием для отрицания совершения церковного обряда». Кроме того, исследователь обращает внимание на «некритическое использование летописной хронологии» [Там же, с. 16–17] и предлагает вернуться к теории А. Поппэ о том, что обряд вокняжения сопровождался церковным благословением на власть уже в XI в.

В настоящей статье нам хотелось бы осветить ряд вопросов, связанных с текстологическим аспектом описания этого обряда в КЛ. Как можно видеть, камнем преткновения стали обширные летописные статьи, описывающие события середины 1140-х – начала 1150-х гг., в которых впервые появляется подробное описание встречи Изяслава Мстиславича горожанами и духовными лицами, посещение князем Св. Софии и посажение его на столе. Первым из них в летописи приводится рассказ о въезде Изяслава в город сразу после записи о начале его княжения: «Изяславъ же, възрѣвъ на нѣбо и похвали Бога и силу животворящаго креста о таковой помощи его, с великою славою и честью въѣха в Киевъ, и выидоша противу ему множество народа: игумени съ черноризци, и попове всего города Киева в ризахъ, и приѣха къ святой Софьи, и поклонися святой Богородици и сѣде на столѣ дѣда своего и отьца своего» (ПСРЛ, т. 2, 1998, стб. 327).

Как справедливо отметил Ю. А. Артамонов, в этом рассказе не только впервые говорится об участии духовенства в торжественной встрече князя, но и сообщается множество других деталей, характеризующих взаимодействие города и князя, так что появление впервые в тексте летописи новых подробностей может быть связано не с реальными историческими новшествами, а с тем, что поменялся характер изложения. Однако, как отметила К. С. Гвозденко, описание вокняжения предыдущего князя Игоря Ольговича ничуть не менее подробно, хотя в нем ничего не говорится об элементах, связанных с церковью. Это можно объяснить тем, что подробности рассказа о том, как Игорь становился киевским князем, касаются исключительно его переговоров с горожанами и целования креста обеими сторонами.

В разнице этих двух описаний проявляется и различие исторических ситуаций: Игорь был поставлен своим братом⁶, Изяслава же, по мнению летописца, пригласили сами горожане. Поэтому в первом случае подробности касались переговоров, которые проходили уже после смерти Всеволода, воля которого теперь не довлела над горожанами, тогда как во втором летописцу было важно показать всеобщность ликования в городе по поводу победы Мстиславича – его триумфальное появление в Киеве предваряется сообщением о том, как князь благодарит высшие силы за победу.

Атрибуты торжественного въезда князя в город в КЛ не ограничиваются т.н. интронизацией и часто встречаются в летописях сами по себе. Так, например, летописец отмечает, что галицкий князь Владимир Володаревич по приезде в Киев в составе коалиции Юрия, посетил основные святыни Киевской земли: «И ѣха Володимиръ Вышегороду къ святыма мученикома поклониться, и тако поклонився святою мученику, и приѣха къ святой Софьи и оттуда ѣха ко святѣи Богородици Десятиннѣи, и оттуда ѣха къ святой Богородици Печерьской манастырь» (ПСРЛ, т. 2, 1998, стб. 403). Это не только паломничество, но также и торжественное движение князя к столице в составе коалиции победителя, благодарящего высшие силы. Посещение известных храмов и поклонение мощам и могилам предков встречаются в летописях в самом разном контексте, в том числе в описании личных клятв. Например, после проведения обряда между Изяславом Мстиславичем и Вячеславом Владимировичем Изяслав поклоняется мощам Бориса и Глеба: «Изяславъ же поклонився святыма мученикома и отьцо своему Вячеславу» (Там же, стб. 399).

Когда Юрий Владимирович приехал в Переяславль, жители которого перешли на его сторону, то посетил храм Архангела Михаила: «Хваля и слава Бога вниде в Переяславль и поклонився святому Михаилу» (Там же, стб. 383), хотя его путь лежал далее в Киев, где он и сел на столе. КЛ описывает пышную встречу Ростислава Мстиславича смолянами в статье 6676 (1168) г. незадолго до смерти князя: «Ростиславъ... иде Смоленську и начаша и срѣтати лутшии мужи смолянны за 300 версть, и затѣмь усрѣтоша и внуци, и затѣмь усрѣте и сынъ Романъ, и епископъ Мануиль, и Внѣздъ, и малѣ не весь градъ изиде противу ему, и тако велми обрадовашася вси приходу его, и множество даровъ подаяша ему» (Там же, стб. 528). Ростислав считается родоначальником смоленской династии и уже длительное время правил там, кроме того, в этот период он был киевским князем, что не помешало смолянам устроить князю такой пышный прием.

Получается, что элементы т.н. интронизации имели самостоятельное значение и представляли собой инструментарий более широкого политического взаимодействия. Важно различать собственно действия церемониального характера, сопутствующие вокняжению Рюриковича как правителя определенной земли, и соглашения князя и города как двух равноправных по-

литических акторов. Разумеется, в реалиях описываемых событий эти практики могли пересекаться, как в случае с Игорем Ольговичем, который был вынужден дополнительно договариваться с киевлянами и целовать им крест, так как десигнация, которую попытался осуществить его брат Всеволод, не была принята в средневековой Руси, а сам Игорь в нарушение традиций был назван киевским князем еще при жизни своего предшественника.

Наиболее яркие элементы соглашений между правителем и городом можно видеть и в последующем оригинальном тексте КЛ, повествующем о событиях XII в. Как уже отмечалось, одна из характернейших его особенностей – обилие «речей», которыми обмениваются действующие лица. Среди фраз, которые Рюрикович мог услышать от горожан, в КЛ довольно часто можно видеть словосочетание «ты наш князь». На него обратила особое внимание в своей статье К. С. Гвозденко, предполагая, что оно было частью процедуры интронизации. Действительно, эта фраза присутствует в «речах» киевлян и Игорю Ольговичу, и Изяславу Мстиславичу в статье 1146 г. Исследовательница предполагает, что аналогичные слова произносились при «прославлении» Всеслава в 1068 г. и повторялись в момент провозглашения претендента князем на княжеском дворе [Гвозденко, 2009, с. 34]. Эти слова, как отмечает К. С. Гвозденко, – прямой аналог церемонии, описанной Козьмой Пражским в его «Хронике»: Яромир возводит на трон своего племянника Бржетислава со словами «Ессе дух vester!», что в переводе на русский звучит действительно похоже: «Вот ваш князь!» (Козьма Пражский, 1962, с. 96). Разница, однако, состоит в том, что Козьма Пражский в своем описании подчеркивает роль дяди новоявленного князя Бржетислава, Яромира, который руководит процедурой и произносит ключевую фразу, горожане только отвечают: «Кирие элейсон!» (начало молитвы: «Господи, помилуй»). В случае же вокняжения Изяслава в КЛ фразу «ты наш князь» произносят не только киевляне, которые упоминаются в последнюю очередь, но и все союзники князя, принявшие решение поддерживать именно его, а не Игоря. Любопытно, что фраза «Кирие элейсон!», упомянутая в «Хронике» Козьмы Пражского, также встречается в КЛ несколько раз по случаю победы князя и его коалиции. Например, когда киевляне узнают, что Изяслав Мстиславич жив после битвы на реке Руте: «И то слышавше мнози, и възхытиша и руками своими с радостью яко цѣсаря и князя своего, и тако възваша: “кирелѣсань!” вси полци, радующесе полкы ратныхъ побѣдивше, а князя своего живого ведяче» (ПСРЛ, т. 2, 1998, стб. 439). Тот же возглас летопись приводит при описании удачной обороны Звенигорода от войска Всеволода Ольговича: «...И възваша “кури иелисонъ” с радостью великою хваляще Бога и пречистую его матеръ» (Там же, стб. 320).

Для изучения соглашений князя и города важно сказать несколько слов о договорах между самими Рюриковичами, фразеология которых также нашла отражение в их «речах», представленных в КЛ. Эти «речи» содержат целый ряд устойчивых сочетаний, призванных подчеркнуть готовность участвовать в военных столкновениях на стороне союзников, таких как: «намъ быти за одинъ» (Там же, стб. 374), «не отлучитися ни в добре, ни в зле» (Там же, стб. 418, 452), «быти за обиду» (Там же, стб. 420). Часто данные формулировки подчеркивают взаимный характер соглашения: «кде твоя обида будеть – а намъ быти с тобою», «кто мнѣ ворогъ – то и тобѣ ворогъ» (Там же, стб. 420, 701)⁷. Такие устойчивые сочетания могли использоваться в составе кратких реплик, как в словах Изяслава Давыдовича Изяславу Мстиславичу: «Кде твоя обида будеть – а намъ быти с тобою» (Там же, стб. 367), а могли быть значительно расширены, как в послании Изяслава Мстиславича и Вячеслава Владимировича Гезе II: «Но аче твоя обида кде – а нама даи Богъ ту самѣмъ быти за твою обиду или паки братьею своею, или съ сынми своими и полкы своими» (Там же, стб. 420).

Выражение «ты наш князь» и языковые конструкции, в составе которых оно используется в КЛ, близки и некоторым семантически перформативным выражениям княжеских «речей», содержащим термины родства, например, в словах Вячеслава Владимировича Святославу Всеволодичу: «Ты еси Ростиславу сынъ любимыи, тако же и мнѣ – а поеди сѣмо ко мнѣ» (Там же, стб. 470); в ответе Вячеслава и Изяслава Юрию «ты намъ братъ еси – поиди же въ свои Суждаль» (Там же, стб. 443), дважды в «речах» Изяслава Вячеславу: «Ты ми еси отць – а се ти Киевъ», «ты ми еси отць, а Киевъ твой – поѣди во нь» (Там же, стб. 399).

В перечисленных эпизодах эти краткие выражения с терминами родства оказываются продолжены призывом к конкретным действиям, в чем проявляется их перформативный характер, то же самое касается и высказывания «ты наш князь» в посланиях горожан к правителю⁸.

Прежде всего мы видим это устойчивое выражение в обещании киевлян принять Игоря Ольговича после смерти Всеволода: «Они же вси дѣловаша к нему кръсть, рекуче: “ты намъ⁹ князь” и яшася по нь лъстью», а затем – в послании тому же Игорю через Святослава Ольговича: «Братъ твой князь¹⁰ и ты» (Там же, стб. 320–322).

Спустя некоторое время киевляне меняют свое решение и принимают в качестве князя Изяслава Мстиславича, и та же формула звучит в их обращениях к новому князю. Она же содержится в посланиях к нему от других городов и от черных клобуков: «...И ту прислашася к нему чернии клобуци и все Поросье и рекоша ему: “Ты нашъ князь, а Олговичъ не хотимъ, а поѣди в борзѣ, а мы с тобою”... прислашася к нему бѣлогородьчи и василевци, тако же рекуче: “Поиди – ты нашъ князь, а Олговичъ не хотимъ”... приѣхаша от киянь мужи, нарекуче: “Ты нашъ князь – поѣди, [в Хлебниковском списке добавлено: а у] Олговичъ не хотимъ быти акы в задничи. Кде узримъ стягъ твой – ту и мы с тобою готови есмь”» (Там же, стб. 323).

Во всех «речах» интересующее нас выражение «ты нашъ князь» имеет продолжение: пояснение причин, вызвавших это призвание, выражение готовности к действиям, призыв к действиям. Частично эти фразы повторяются почти дословно: «а мы с тобою» и «кде узримъ стягъ твой – ту и мы с тобою готови есмь» (они близки стандартным формулам соглашений между Рюриковичами: «с тобою быти», «по одному мѣсту быти» (Там же, стб. 451, 418)). Повторяющиеся фразы, выражающие недовольство десигнацией Игоря: «а Олговичъ не хотимъ (быти акы в задничи)», обусловлены тем, что в данный момент выбор стоит между Мстиславичами и Ольговичами.

Далее в повествовании КЛ описывается развитие конфликта, в котором на Киев претендуют два князя из линии Мономашичей: Изяслав Мстиславич и Юрий Владимирович. Разные города используют словосочетание «ты нашъ князь» в посланиях к каждому из претендентов – в зависимости от собственных предпочтений.

В «речах» киевлян Изяславу Мстиславичу эта фраза почти всегда бывает дополнена конкретизацией действия, в том числе и в статье 6658 (1150) г., где упоминается Собор Святой Софии: «кияне же рекоша Изяславу: «Ты нашъ князь – поѣди же къ Святой Софьи, сяди на столѣ отца своего и дѣда своего» (Там же, стб. 397). Упоминания Св. Софии, отца и деда Изяслава здесь – детали, украшающие и конкретизирующие «речь» горожан. Они полностью повторяют описание книжником первого въезда Изяслава в Киев в 1146 г., столь существенное в дискуссии об интронизации: «Приѣха къ Святой Софьи... сѣде на столѣ дѣда своего и отца своего» (Там же, стб. 327). Общая фразеология этих эпизодов служит усилению идеи преемственности.

Но если киевляне предлагали Изяславу сесть на столе отца и деда, то новгородцы и псковичи используют их имена в своем торжественном ответе на речь князя, лично приехавшего в Новгород: «Ты нашъ князь, ты нашъ Володимиръ, ты нашъ Мьстиславъ, ради с тобою идемъ своихъ дѣля обидь» (Там же, стб. 370). Этому обращению новгородцев исследователи уделяют большое внимание [Литвина, Успенский, 2006, с. 362; Вилкул, 2009, с. 220; Лукин, 2022, с. 88–95]. Т. Л. Вилкул отмечает, что их слова к Изяславу стилизованы под текст «Александрии» и формулировки речи римлян из «Истории иудейской войны» Иосифа Флавия [Вилкул, 2009, с. 220]. П. В. Лукин рассматривает обращение новгородцев и псковичей как использование интронизационной формулы в контексте аккламации «сюзерена и военного вождя» по аналогии с сообщением Летописца Переяславля Суздальского (ЛПС), где содержится обращение переяславцев к Ярославу Всеволодичу: «Ты нашъ господинъ, ты Всеволодъ»¹¹ [Лукин, 2022, с. 89]. Однако, в отличие от ЛПС, КЛ показывает «речи» князя и горожан как часть тожественной встречи союзников перед походом, описание которого следует далее: «И тако поидоша новгородци съ Изяславомъ всеми силами своими, и плъсковицѣ, и корѣла» (ПСРЛ, т. 2, 1998, стб. 370)¹². Контекст подготовки военного похода подхватывается в ответе новгородцев и псковичей князю: «Ради с тобою идемъ», близком словам черных клобуков и киевлян тому же князю: «А мы с тобою», «с тобою готови есмь» (Там же, стб. 323).

В КЛ приезд Изяслава Мстиславича в Новгород является частью канвы повествования о разворачивании конфликта между ним и Юрием Владимировичем. Однако сам Изяслав никогда не занимал новгородский стол, здесь правил его сын Ярослав, который и встречал отца вместе с новгородцами. Поэтому приезд Изяслава не может рассматриваться как восшествие на престол – это встреча лидера коалиции, организовавшего поход на земли Юрия в отместку за нанесенный

им, новгородцам, ущерб, что также четко обозначается в речи князя: «Се, братье, сынъ мои, вы прислалися есте ко мнѣ, оже вы обидить стрьи мои Гюрги – на нь есмь пришелъ сѣмо, оставя Рускую землю вас дѣля и ваших дѣля обидь» (Там же, стб. 370). Последнее выражение тоже повторяется в ответе горожан: «Идемъ своихъ дѣля обидь». В таком контексте имена отца и деда Изяслава в этом ответе не только подчеркивали преемственность, но и служили дополнительным напоминанием о необходимости защиты интересов Новгорода и Пскова, что входило в круг обязанностей Владимира Мономаха и Мстислава Великого. Под термином «князь», как и в ряде близких ситуаций, здесь подразумевался глава коалиции и предводитель войска, а не локальный правитель. Схожие случаи персонификации при помощи упоминания ближайших старших родственников в обращении можно также видеть в Галицко-Волынской летописи, где Мстислав Данилович говорит Владимиру Васильковичу: «Ты же ми брать, ты же ми отць мои, Данило король» (Там же, стб. 912).

Возвращаясь к дальнейшим отношениям Изяслава и жителей Киева, летописец показывает ситуацию, когда киевляне понимают, что не в силах оказать князю поддержку и договариваются с ним, обещая лояльность в будущем: «Не погуби нас, ни самъ не погъни, но ты нашъ князь, коли си(ле)нь будеши – а мы с тобою, а ныне... поѣди прочь» (Там же, стб. 401). Здесь автор показывает, что в тех же фразах союзниками мыслилась стратегия поведения на будущее.

В один из напряженных моментов противостояния жители Переяславля, лояльные Юрию Владимировичу, оказались в большинстве, и город оказал ему поддержку: «И бысть леть въ переяславцехъ, рекуче: “Гюрги намъ князь свои, того было намъ искати и далече”» (Там же, стб. 382). Здесь интересующая нас формула представлена не в диалоге между политическими акторами, а как консенсус городского ополчения. Показательно, что, произнося ее, переяславцы подразумевали княжение не самого Юрия, а одного из его сыновей, т.е. под словом «князь» снова понимается глава коалиции.

Позднее Юрий Владимирович обращается к белгородцам, стоя у стен города, но они отказывают ему в содействии. Эти диалоги интересны тем, что здесь формула «князь наш N» используется как отказ конкуренту: «Гюргии же... рече бѣлогородьцемъ: “Вы есте людие мои, а отворите ми градъ!” Бѣлогородьци же рекоша: “а Киев ти ся кое отвориль, а князь нашъ Вячьславъ, Изяславъ и Ростиславъ!”» (Там же, стб. 433). Т. Л. Вилкул обратила внимание на то, что здесь употреблено единственное число, причиной чему могло служить редакторское добавление двух других князей: Вячеслава и Ростислава [Вилкул, 2005, с. 49]. Но, может быть, причина ошибки в том, что словосочетание «N нашъ князь» было устойчивой формулой именно с использованием единственного числа – ранее летописец также избегал множественного числа при ее написании, например: «Брать твои князь и ты» (киевляне о Игоре и Святославе Ольговичах) (ПСРЛ, т. 2, 1998, стб. 320–321).

На первый взгляд, начало «речи» Юрия: «Вы есте людие мои...» – не отличается от множества других речевых оборотов, однако можно предположить, что это также устойчивое словосочетание, комплементарное рассмотренному «ты нашъ князь» и аналогичным образом показывающее отношение коллективного актора (например, горожан) к представителю династии. В случае с белгородцами это сочетание приводится с казуальным окончанием, призывающим к действиям: «Вы есте людие мои – а отворите ми градъ!», как и в послании киевлян к Изяславу: «Ты нашъ князь – поѣди!» (Там же, стб. 397, 476). Любопытно, что и сам Изяслав использовал похожие словосочетания при обращении к горожанам, например, при переговорах с жителями Дорогобужа: «Вы есте людие дѣда моего и отьца моего, а Богъ вы помози!» (Там же, стб. 410). В словах Изяслава присутствует расширение устойчивого словосочетания «вы мои люди» с упоминанием отца и деда князя. Тот же прием использовали новгородцы, когда обращались к нему: «Ты нашъ Володимиръ, ты нашъ Мьстиславъ».

То, что две рассмотренные формулы составляют устойчивую пару, использовавшуюся при взаимодействии князей и коллективных акторов, подтверждает и повествование КЛ о конфликте Ростислава Глебовича и Рогволода Борисовича в Полоцке. Горожане обещали Ростиславу: «Ты намъ князь еси, и даи ны Богъ с тобою пожити», – но затем посылают к Рогволоду со словами: «Княже нашъ, сѣгрѣшили есмь к Богу и к тобѣ... да аще ны не помянеши всего того... и хрьсть к намъ цѣлуеши, то мы людие твое, а ты еси нашъ князь» (Там же, стб. 494–495)¹³. Обращают на себя внимание повторы «княже нашъ», «ты еси нашъ князь» в одной фра-

зе, подчеркнутое внимание к требованиям обеих сторон: горожан и представителя династии, перечисление выдвинутых условий, двусоставная структура самого предложения – все эти особенности характерны для княжеских договоров КЛ.

Близкое выражение мы можем видеть в повествовании о попытке Владимира Андреевича въехать в Червень: «Подъѣха Володимиръ подь городъ и нача молвити: “Я есмь не ратью пришелъ к вамъ, зане есте людие, милии отьцю моему, а язъ вамъ свои княжичъ – а отворитесь!” И одинъ с города потягнувъ стрѣлоу удари [в Хлебниковском списке: его] в горло» (Там же, стб. 487). Здесь также князь апеллирует к связи города со своим отцом, не называя горожан напрямую «своими». Отказ жителей приходит с началом боевых действий.

Вероятно, соединение формул в фразу «мы людие твои, а ты еси нашъ князь»¹⁴ звучало при заключении соглашений между представителями династии и коллективными акторами. Летописцы же могли приводить лишь одну ее часть, а также дополнять ее деталями – как отражающими специфику конкретной реальной ситуации, так и из литературных соображений.

Итак, при рассмотрении «речей» и детальных описаний взаимодействия города и князя в КЛ можно вычленил ряд устойчивых, повторяющихся элементов. Некоторые из них, такие как: встреча князя горожанами, иногда и с участием духовенства, пиры, обмен дарами, посещение известных храмов представляются исследователям составными частями обряда интронизации князя – правителя определенной земли. Однако те же самые элементы часто встречаются и при описании торжественной встречи предводителя войска после победы, сборов перед предстоящим походом и тем самым не могут рассматриваться как специфические именно для интронизации.

В Киевской летописи можно найти диалоги князя и города, которые по некоторым признакам (характерная двусоставность: упоминание двух сторон соглашения или же условий и действия; формульность) близки диалогам Рюриковичей той же летописи. В «речах» горожан князю можно выделить устойчивые выражения «мы есте людие твои» и «ты еси нашъ князь». Иногда они появляются и в обращениях правителя к своим сподвижникам. Эти формулы могли складываться в единую семантически перформативную фразу «мы людие твое, а ты еси нашъ князь», которая также однажды представлена в тексте Киевской летописи (ПСРЛ, т. 2, 1998, стб. 494). В каждом конкретном случае устойчивые выражения могли незначительно меняться, расширяться и трансформироваться с использованием богатого образного арсенала языковых оборотов, отсылающих к воинским подвигам и идее единства союзников. Особое символическое значение здесь имели упоминания предков князя: его отца и деда, и главных храмов городов: Св. Софии в Киеве и в Новгороде, Десятинной церкви в Киеве, собора Архангела Михаила в Переяславле и др. Слова «ты нашъ князь» произносят горожане, совершая выбор, к какой коалиции Рюриковичей присоединиться, какого князя пригласить на стол, что отражает договорной, а не церемониальный характер взаимодействия. Под словом «князь» часто подразумевается именно лидер, предводитель войска, а не локальный правитель.

Спорные ситуации, когда на один стол претендовали несколько правителей, вызывали у летописцев Киевской летописи наибольший интерес – о них можно узнать из текста, описывающего события 1140-х – начала 1150-х гг., когда ее вели авторы, наиболее заинтересованные в фиксации различного рода дипломатических казусов – вероятно, в качестве опыта для разрешения аналогичных ситуаций в будущем. В каждом эпизоде летописца интересовали наиболее сложные моменты ритуальной составляющей политической действительности.

Примечания

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-02081 «Киевский свод рубежа XII–XIII вв.: состав источников и история сложения», предоставленного через Институт всеобщей истории РАН.

² Этот обряд применительно к реалиям Руси XII в. реконструируется исследователями, но не назван и не описан в летописях как самостоятельное явление (за исключением слов «N сел на столе»), вне контекста других аспектов взаимодействия города и князя, поэтому в данной работе я рассматриваю его лишь как предполагаемую исследователями процедуру. Как отметил А. П. Толочко, при существовавшей системе «родового владения» Рюриковичей в интронизации как таковой не было необходимости [Толочко, 1992, с. 141].

³ Здесь и далее под Киевской летописью (КЛ) понимается текст Ипатьевского, Хлебниковского и близких списков со статьи 1118 г. и до конца XII в.

⁴ Здесь и далее под Суздальской летописью (СЛ) понимается текст Лаврентьевской летописи и близкородственных ей памятников, таких как Радзивилловская, Московско-Академическая и Летописец Переяславля-Суздальского после 1110 г.

⁵ О процессе работы киевского сводчика, соединявшего текст общего источника КЛ и СЛ за XII в. с другими известиями см. [Вилкул, 2019, с. 264–267].

⁶ О неудачах попыток десигнации власти в средневековой Руси см. [Назаренко, 2000].

⁷ Любопытно, что эта формула используется и в «речи» князя к вятичам – такому же коллективному политическому актору, как и интересующие нас в этой статье горожане (ПСРЛ, т. 2, 1998, стб. 338).

⁸ Эволюция формулировок подобного типа рассмотрена в статье Е. В. Буденной [Буденная, 2017].

⁹ Использование дательного падежа «намя» – более ранняя форма этого оборота.

¹⁰ Использование оборота, позволяющего употребить форму единственного числа, вероятно, связано с устойчивостью в устной политической культуре именно такого вида формулы.

¹¹ Упоминание имени отца Ярослава Всеволодича – Всеволода Юрьевича – в обращении переяславцев продолжает идею «замещения» отца сыном на переяславском столе, заложенную в «речи» князя, обращенной к ним: «...се отец мои иде к Богови, а вась удаль мнѣ, а мене вдаль вамъ на руцѣ. Да рците ми, братия, аще хотите мя имѣти собѣ яко же имѣсте отца моего» (ПСРЛ, т. 41, 1995, с. 130).

¹² Из-за того, что в этом месте текст КЛ скопирован из двух источников, новгородцы отвечают Изяславу дважды и дважды покидают его. Эта несывковка отмечена Т. Л. Вилкул [Вилкул, 2009, с. 221].

¹³ Политический контекст этого крестоцелования представлен в работе Ю. Н. Кежи; автор также считает ее частью процедуры интронизации [Кежа, 2021, с. 86–94].

¹⁴ Ср. в берестяной грамоте № 605: «ты мой, а я твой» [Зализняк, 2004, с. 271], рассматривая которую, А. А. Зализняк обратил внимание на явный аналог в «Житии Аввакума»: «я твой, ты моя» [Там же, с. 272].

Список источников

Козьма Пражский. Чешская хроника / пер. Г.Э. Санчук. М.: Изд-во АН СССР, 1962.
Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 1998; Т. 41. Летописец Переяславля-Суздальского. М., 1995.

Библиографический список

Андрощук Ф. К истории обряда интронизации древнерусских князей (сидение на курганах) // Дружинні старожитності Центрально-східної Європи VIII–X ст. Чернівці: Сіверянська думка, 2003. С. 5–10.
Артамонов Ю.А. Об участии церкви в интронизации князей Древней Руси // Восточная Европа в древности и средневековье: чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. М., 2021. Вып. 32. С. 13–18.
Буденная Е.В. Древнерусские именные клаузы в процессе экспансии местоимений: исключение, подтверждающее правило? // Вестник Моск. ун-та. Филология. 2017. № 4. С. 199–208.
Вилкул Т.Л. Люди и князь в древнерусских летописях середины XI–XIII вв. М.: Квадрига, 2009. 405 с.
Вилкул Т.Л. О происхождении общего текста Ипатьевской и Лаврентьевской летописи за XII век // *Palaeoslavica*. 2005. Vol. 13, № 1. P. 21–80.
Вилкул Т.Л. Летопись и хронограф. Текстология домонгольского киевского летописания. М.: Квадрига, 2019. 459 с.
Виноградов А.Ю. Религиозный аспект церемонии вокняжения в домонгольской Руси // Восточная Европа в древности и средневековье: чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. М., 2021. Вып. 32. С. 57–61.
Гвозденко К.С. Церемония княжеской интронизации на Руси в домонгольский период // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2009. № 1 (35). С. 17–35.
Гвозденко К.С., Горский А.А. О порядке наследования княжеской власти в Древней Руси // Российская история. 2017. № 6. С. 14–23.
Гимон Т.В. К вопросу о княжеских посланиях в Киевском своде (XII в.) // Восточная Европа в древности и средневековье: XXX Юбилейные чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто, 17–20 апреля 2018 г. М.: Изд-во Ин-та всеобщей истории РАН, 2018. С. 64–71.
Гранберг Ю. Вече в древнерусских письменных источниках: функции и терминология // Древнейшие государства Восточной Европы, 2004 год. М., 2006. С. 3–163.

- Дашкевич Я.Р. Спорные вопросы дипломатической практики Древней Руси // История СССР. 1991. № 4. С. 100–111.
- Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М.: Языки славянской культуры, 2004. 879 с.
- Кежа Ю.Н. Обряд интронизации полоцких князей (в контексте церемониального обряда Древней Руси) // Вестник Полоц. гос. ун-та. 2021. № 1. С. 86–94.
- Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики. М.: Индрик, 2006. 740 с.
- Лукин П.В. Новгородское вече. М.: Индрик, 2014. 608 с.
- Лукин П.В. Новгород и Венеция. СПб.: Изд-во Европ. ун-та, 2022. 302 с.
- Назаренко А.В. Порядок престолонаследия на Руси X–XII вв.: наследственные разделы, сеньорат и попытки десигнации (типологические наблюдения) // Из истории русской культуры. Древняя Русь. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 1. С. 500–519.
- Паишито В.Т. Черты политического строя Древней Руси // Древнерусское государство и его международное значение. М.: Наука, 1965. С. 11–76.
- Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М.: Наука, 1993. 635 с.
- Толочко А.П. Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология. Киев: АН Украины, 1992. 224 с.
- Франчук В.Ю. Киевская летопись. Состав и источники в лингвистическом освещении. Киев: Наукова думка, 1986. 184 с.
- Guimon T.V. Historical Writing of Early Rus (c. 1000–c. 1400) in a Comparative Perspective. Leiden, Boston: Brill, 2021. 452 p.
- Poppe A. The Enthronement of the Prince in Kievan Rus // Poppe A. Christian Russia in the Making. Aldershot – Burlington. Ashgate. 2007. P. 190a–191a (впервые опубли.: Poppe A. The Enthronement of the Prince in Kievan Rus // The 17th International Byzantine Congress: Abstracts of Short Papers. Washington, 1986. P. 272–274).
- Vukovich A. The Enthronement Rituals of the Princes of Vladimir-Suzdal in the 12th and 13th centuries // FORUM. University of Edinburgh Journal of Culture & the Arts. 2013. No. 17. P. 1–15.
- Vukovich A. The Ritualisation of Political Power in Early Rus' (10th–12th centuries): PhD Diss. University of Cambridge. 2015. 217 p.
- Vukovich A. Enthronement in Early Rus: Between Byzantium and Scandinavia // Viking and Medieval Scandinavia. 2018. No. 14. P. 212–239.

Дата поступления рукописи в редакцию 31.01.2023

“YOU ARE OUR PRINCE”: AGREEMENTS BETWEEN THE CITY AND PRINCE IN THE *KYEVAN CHRONICLE*

M. L. Lavrenchenko

Yaroslavl State University, Sovetskaya str., 14, 150003, Yaroslavl, Russia;
Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Leninsky av., 32a, 119334, Moscow, Russia
lavrenchenko1@yandex.ru
marialavrenchenko@gmail.com
ORCID: 0000-0003-4851-2569

The article discusses the phraseology of the relations between cities and princes, presented in the 12th-century *Kievan (Kyivan) Chronicle*. Their relations have long been studied, including the stages of the formation of the veche, the history of the so-called enthronement, and the degree of involvement of the clergy in this process. However, the researchers' attention was not focused on the relations between members of the dynasty and politically active groups (such as citizens of a certain town), when it came to preparing and conducting military campaigns, making alliances, performing the triumphal meeting of the army leader, and a number of other issues. The analysis of the description of such events reveals that the chronicler often pays attention to politically ambiguous situations, when several Rurikids claimed to be rulers of the town at the same time, and the townspeople's opinion became decisive. At this point, they could demonstrate their loyalty to the ruler by means of the steady expression “you are our *knyaz*”, which was complementary to the phrase “you are my people”. Both phrases could be part of more complex utterances that named the predecessors of the prince who had taken care of the town; enumerated certain Christian symbols,

such as the shrines of the town; and contained a direct call for subsequent actions. These examples illustrate that a long tradition of creating treaty language patterns existed as early as in the 12th century.

Key words: Old Rus, source studies, chronicles, *Kievan (Kyivan) Chronicle*, *Hypatian Chronicle*, dialogues, direct speech, textual criticism, terminological analysis.

Acknowledgments

¹ The study was supported by the grant of the Russian Science Foundation № 22-28-02081 “The Kiev code of the turn of the 12th and 13th centuries: the composition of sources and the history of addition”, provided through the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences.

References

- Androshchuk, F. (2003), “To the history of the rite of enthronement of Old Rus’ princes (‘Mound-Sitting’)”, in Tolochko, P.P. (ed.), *Druzhynni starozhytnosti tsentral'no-skhydnoi Evropy VIII–X st.* [Military Antiquities of Central-Eastern Europe of the 8th – 10th centuries], Siverjanska dumka, Chernihiv, Ukraine, pp. 5–10.
- Artamonov, Yu.A. (2021), “On the participation of the Church in the enthronement of the princes of Old Rus’”, in *Vostochnaya Evropa v drevnosti i Srednevekov'e. Chteniya pamyati chl.-kor. AN SSSR V.T. Pashuto. Vol. XXXIII: Rol' religii v formirovanii sotsiokul'turnykh praktik i predstavleniy* [Eastern Europe in Antiquity and the Middle Ages. Readings in memory of corresponding member of the USSR Academy of Sciences Vladimir Pashuto. Vol XXIII: The role of religion in the formation of sociocultural practices and perceptions], Institut vseobshchey istorii RAN, Moscow, Russia, pp. 3–18.
- Budennaya, Ye.V. (2017), “Old Russian nominal clauses in the process of pronoun expansion: an exception that proves the rule?”, *Vestnik Moskovskogo universiteta, Ser. 9: Filologiya*, № 4, pp. 199–208.
- Franchuk, V.Yu. (1986), *Kiyevskaya letopis'. Sostav i istochniki v lingvisticheskom osvveshenii* [Kyivan Chronicle. Composition and sources from the linguistic point of view], Naukova dumka, Kyiv, USSR, 184 p.
- Gimon, T.V. (2018), “On the issue of princely speeches in the Kievan chronicle (12th century)”, in *Vostochnaya Evropa v drevnosti i Srednevekov'e. Chteniya pamyati chl.-kor. AN SSSR V.T. Pashuto. Vol. XXXIII: Rol' religii v formirovanii sotsiokul'turnykh praktik i predstavleniy* [Eastern Europe in antiquity and the Middle Ages. Readings in memory of corresponding member of the USSR Academy of Sciences Vladimir Pashuto. Vol XXIII: The role of religion in the formation of sociocultural practices and perceptions], Institut vseobshchey istorii RAN, Russia, pp. 3–18.
- Granberg, Yu. (2006), “Veche in Old Rus’ written sources: functions and terminology”, in *Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Evropy 2004* [Ancient States of Eastern Europe 2004], Institut vseobshchey istorii RAN, pp. 3–163.
- Guimon, T. V (2021), *Historical Writing of Early Rus (c. 1000–c. 1400) in a Comparative Perspective*, Brill, Leiden, Boston, Netherlands; USA, 452 p.
- Gvozdhenko, K.S. & A.A. Gorskiy (2017), “About the principals of princely inheritance in Old Rus’”, *Rossiyskaya istoriya*, № 6, 14–23.
- Gvozdhenko, K.S. (2009), “The ceremony of princely enthronement in Rus' in the pre-Mongolian period”, *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*, № 1 (35), pp.17–35.
- Kezha, Yu. N. (2021), “The rite of enthronement of the princes of Polotsk (in the focus of the ceremonial traditions of Old Rus’”, *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta*, № 1, pp. 86–94.
- Litvina, A.F. & F.B. Uspenskiy (2006), *Vybor imeni u russkikh knyazey v X–XVI vv. Dinasticheskaya istoriya skvoz' prizmu antroponimiki* [The namegiving among Rus’ princes in the X–XVI centuries. Dynastic history through the prism of anthroponymy], Institut vseobshchey istorii RAN, Moscow, Russia, 740 p.
- Lukin, P.V. (2014), *Novgorodskoye veche* [Novgorod Veche], Indrik, Moscow, Russia, 608 p.
- Lukin, P.V. (2022), *Novgorod i Venetsiya* [Novgorod and Venice], Izdatel'stvo Evropeyskogo universiteta, St. Petersburg, Russia, 302 p.
- Nazarenko, A.V. (2000), “The hereditary succession of the throne in Rus' in the 10th – 12th centuries: hereditary divisions, seignories, and designation attempts (typology notes)”, in *Iz istorii russkoy kul'tury. Drevnyaya Rus'* [From the history of Russian culture. Old Rus'], Yazyki russkoy kul'tury, Moscow, Russia, Vol. 1, pp. 500–519.
- Pashuto, V.T. (1965), “Features of the political system of Old Rus’”, in *Drevnerusskoye gosudarstvo i ego mezhdunarodnoe znachenie* [The Old Rus’ state and its international significance], Nauka, Moscow, USSR, pp. 11–76.
- Poppe, A. (2007), “The Enthronement of the Prince in Kievan Rus’”, in *Christian Russia in the Making*, Ashgate, Aldershot, Burlington, USA, pp. 190a –191a.
- Presnyakov, A.Ye. (1993), *Knyazhoye pravo v Drevney Rusi. Lektsii po russkoy istorii. Kievskaya Rus'* [Princely law in Old Rus'. Lectures on Rus’ history. Kievan Rus'], Nauka, Moscow, Russia, 635 p.
- Tolochko, A.P. (1992), *Knyaz' v Drevney Rusi: vlast', sobstvennost', ideologiya* [Prince in Old Rus': power, property, ideology], AN Ukrainy, Kyiv, Ukraine, 224 p.
- Vilkul, T.L. (2005), “On the origin of the similar text of the Hypatian and Laurentian Chronicles for the 12th century”, *Palaeoslavica*, № 13/1, pp. 21–80.

- Vilkul, T.L. (2009), *Lyudi i knyaz' v drevnerusskikh letopisyakh serediny XI–XIII vv.* [People and the prince in the Old Rus' chronicles of the middle of the 11th – 13th centuries], Kvadriga, Moscow, Russia, 405 p.
- Vilkul, T.L. (2019), *Letopis' i khronograf. Tekstologiya domongol'skogo kiyevskogo letopisaniya* [Chronicle and chronograph. Textology of the pre-Mongolian Kyivan chronicles], Kvadriga, Moscow, Russia, 459 p.
- Vinogradov, A.Yu. (2021), “The Religious Aspect of the Enthronement Ceremony in Pre-Mongol Rus”, in *Vostochnaya Evropa v drevnosti i Srednevekov'e. Chteniya pamyati chl.-kor. AN SSSR V.T. Pashuto. Vol. XXXIII: Rol' religii v formirovanii sotsiokul'turnykh praktik i predstavleniy* [Eastern Europe in antiquity and the Middle Ages. Readings in memory of corresponding member of the USSR Academy of Sciences Vladimir Pashuto. Vol XXXIII: The role of religion in the formation of sociocultural practices and perceptions], Institut vseobshchey istorii RAN, Moscow, Russia, pp. 57–61.
- Vukovich, A. (2013), “The Enthronement Rituals of the Princes of Vladimir–Suzdal in the 12th and 13th centuries”, *FORUM. University of Edinburgh Journal of Culture & the Arts*, № 17, pp. 1–15.
- Vukovich, A. (2015), “The Ritualisation of Political Power in Early Rus' (10th–12th centuries)”, Dissertation for the degree of Doctor of Philosophy, University of Cambridge, UK, 217 p.
- Vukovich, A. (2018), “Enthronement in Early Rus: Between Byzantium and Scandinavia”, *Viking and Medieval Scandinavia*, № 14, pp. 212–239.
- Zaliznyak, A.A. (2004), *Drevnenovgorodskiy dialect* [Old Novgorod Dialect], Yazyki slavyanskoy kul'tury, Moscow, Russia, 879 p.